

В. В. Власова

**ИЗУЧЕНИЕ ПРАВОСЛАВНОЙ ТРАДИЦИИ КОМИ-ЗЫРЯН
В СОВЕТСКИЙ ПЕРИОД: ПОЛЕВАЯ РАБОТА ГЛАЗАМИ ЭТНОГРАФА**

doi: 10.30759/1728-9718-2018-1(58)-118-126

УДК 39(=945.32) ББК 63.521(=664)

Борьба с религиозными пережитками и атеистическая пропаганда стали важными составляющими идеологии советского государства и в значительной степени стимулом для развития этнографических исследований в области религии. Перед советскими этнографами стояли конкретные цели — объяснить причины сохранения пережитков, содействовать их изживанию. Это и обусловило выбор плановых тем, по которым проводились полевые исследования. Становление историко-этнографического изучения религии в Институте языка, литературы и истории Коми НЦ проходило в русле этих общероссийских тенденций. Описания методов, исследовательский анализ, осмысление полевой работы и взаимоотношений «этнограф — информант» и другие аспекты, представленные в научных отчетах, позволяют осветить процесс изучения народной религиозности в советский период. В 1960–1970-е гг., наряду с интервьюированием, включенным наблюдением, фотографированием, этнографы активно применяли социологические методы, в частности сплошные опросы населения отдельных сел и деревень. Описание и анализ использовавшихся методов, размышления о том, каким должен быть исследователь, регулярно появлялись на страницах научных отчетов, что позволяет говорить о значимости этих сюжетов для этнографов. Существовавшие идеологические и методологические установки обусловили отсутствие этих материалов и сюжетов в опубликованных работах.

Ключевые слова: *православная традиция, коми-зыряне, полевые исследования, советская этнография*

Методика проведения полевых исследований, принципы сбора этнографического материала активно обсуждаются российскими учеными. В первой половине XX в. формируется представление о «поле» как об основе этнографических исследований, формулируются общие требования, предъявляемые к полевой работе.¹ В дальнейшем методы сбора и фиксации полевого материала рассматривались этнографами на страницах профессионального журнала «Советская этнография», а также в отдельных изданиях² и в пособии.³ Вопросы, касающиеся этапов становления и развития методологии полевой работы, стали объектом специальных исследований.⁴

¹ См.: Арзютов Д. В., Кан С. А. Концепция поля и полевой работы в ранней советской этнографии // ЭО. 2013. № 6. С. 45–68.

² См.: Село Вирятино в прошлом и настоящем. Опыт этнографического изучения русской колхозной деревни. М., 1958; Вопросы методики этнографических и этно-социологических исследований: докл. на конф. мол. науч. сотрудников и аспирантов (февраль 1970). М., 1970.

³ См.: Громов Г. Г. Методика этнографических экспедиций. М., 1966.

⁴ См.: Гаген-Торн Н. И. Ленинградская этнографическая школа в двадцатые годы (у истоков советской этнографии) // СЭ. 1971.

Изучение религиозных представлений занимало особое место в исследованиях советских этнографов. Н. М. Маторин писал: «Серьезную роль играют этнографические работы и для правильной постановки антирелигиозной пропаганды в глухих уголках русской деревни и национальных районах».⁵ Подчеркивая, что «этнографам приходится иметь дело с живым, диалектически развивающимся историческим процессом»,⁶ он отмечал необходимость точного и объективного описания локальных православных практик, т. е. фиксируя современное состояние традиции, прослеживать «всю причудливую диалектику изменения религиозных верований».⁷ Сходные установки характерны для исследований 1970-х гг. «современного бытового православия», т. е. «реального состояния религиозности крестьянских групп

№ 2. С. 134–145; Козьмин В. А. Полевая этнография // Петрозаводский государственный университет. URL: <http://petrsu.ru/Chairs/Archiv/edu.html> (дата обращения: 15.01.2017); Алымов С. Неслучайное село: советские этнографы и колхозники на пути «от старого к новому» и обратно // Новое литературное обозрение. 2010. № 101. URL: <http://magazines.russ.ru/nlo/2010/101/alk7.html> (дата обращения: 20.01.2017).

⁵ Маторин Н. М. Современный этап и задачи этнографии // СЭ. 1931. № 1/2. С. 2.

⁶ Там же. С. 22.

⁷ Шахнович М. М., Чумакова Т. В. Н. М. Маторин и его программа изучения народной религиозности // Религиоведение. 2012. № 4. С. 194.

населения, православных по вероисповедному признаку».⁸ При этом исследователи отмечали, что «бытовое православие... остается недостаточно изученным».⁹ Иной подход к изучению религиозных традиций представлен в пособии Г. Г. Громова, который полагал, что исследование официальных религий следует признать особой дисциплиной, а «главный интерес для этнографа представляют... те пережиточные религиозные представления, которые длительное время сосуществовали рядом с официальными религиями».¹⁰ По мнению М. М. Громыко, подобная исследовательская позиция начала формироваться еще в XIX в.: интерес ученых вызывали архаика и исторические реконструкции, тогда как православная традиция, являвшаяся частью повседневности, не рассматривалась как объект изучения.¹¹

Борьба с религиозными пережитками и атеистическая пропаганда стали важными составляющими идеологии советского государства и в значительной степени стимулом для развития исследований в области религии. Утверждение, что этнографическое изучение религиозности необходимо для успешной антирелигиозной работы, сформулированное еще в 1930-е гг., воспроизводится и в работах 1950–1970-х гг.¹²

Описания методов полевой работы, способов фиксации и документации материала, осмысление взаимоотношений «этнограф — информант» и другие аспекты, представленные в научных отчетах, позволяют осветить особенности полевых исследований народной религиозности в советский период. Эти сведения содержатся, в частности, в отчетах этнографов, работавших в 1950–1970-е гг. в сельских районах Республики Коми (отчеты хранятся в научном архиве Коми научного центра УрО РАН). Централизация научных исследований, общие методологические установки, характерные для советской этнографической науки, позволяют говорить о един-

стве подходов и полевых практик академических учреждений разных регионов (с учетом особенностей религиозной ситуации на местах). Рассмотрим это на примере Республики Коми. Перед Великой Отечественной войной действующих церквей здесь не осталось. В 1940–1950-е гг. по просьбам верующих было открыто два православных храма и два молитвенных дома. Несмотря на появление в 1950–1960-е гг. значительного количества мигрантов, исповедовавших различные религии, большая часть населения исповедовала православие.¹³ Неудивительно, что именно православная традиция стала объектом пристального внимания этнографов.

Исследование «религиозного мировоззрения» коми-зырян в первой половине XX в.

Полевые этнографические работы первой половины XX в. оказали влияние на последующие исследования. Так, работавший среди зырян в 1907 г. В. П. Налимов планировал уделить особое внимание «исследованию религиозного мировоззрения зырян и пермяков... определить, что составляет древние верования, а что носит характер позднейших заимствований». Он разработал программу для сбора материала, вел записи фольклорных и этнографических текстов на коми и русском языках.¹⁴ Принципы этнографического исследования рассматриваются и в предисловии к вопроснику «Программы по историко-этнографическому изучению края Коми» (1924), составленному А. С. Сидоровым.¹⁵ Он отмечал: «От всякого приступающего к собиранию этнографического материала требуется сочувственное... отношение к собеседнику, народу... <...> важно точное, тщательное и наивозможно подробное изложение события, описание факта без предвзятых мыслей и настроений».¹⁶

¹³ См.: Рогачев М. Б. Время против религии. Сыктывкар, 1986. С. 78–82.

¹⁴ См.: Семенов В. А., Шарапов В. Э. Этнографический архив // История этнографического изучения традиционной культуры коми: учеб. пособие. Сыктывкар, 2006. С. 78, 87, 89.

¹⁵ Алексей Семенович Сидоров (1892–1953) начинал как краевед-любитель. В 1921 г. проходил стажировку в Ленинградском географическом институте (на этнографическом и общегеографическом факультетах лекции читал В. Г. Богораз); в 1926–1929 гг. — в Институте языка и мышления АН СССР, в Академии материальной культуры. Арестован в 1937 г. В 1942 г. был принят на работу в Коми НИИ языка и письменности, где вел исследования в области языкознания, в то же время он консультировал этнографов, писал отзывы на их работы. См.: Жеребцов И. Л., Цыпанов Е. А. Алексей Семенович Сидоров. Сыктывкар, 1995. (Люди науки; вып. 9). С. 9, 10, 15, 18, 19.

¹⁶ Сидоров А. С. Программа по историко-этнографическому изучению края Коми. Общие указания // Программы по изучению Коми края. Усть-Сысольск, 1924. С. 24.

⁸ Тульцева Л. А. Опыт этнографического изучения современного бытового православия у русского сельского населения Рязанской области // Вопросы методики этнографических и этно-социологических исследований. С. 98, 99.

⁹ Тульцева Л. А. Религиозные верования и обряды русских крестьян на рубеже XIX и XX веков (по материалам средне-русской полосы) // СЭ. 1978. № 1. С. 31.

¹⁰ Громов Г. Г. Указ. соч. С. 97.

¹¹ См.: Громыко М. М. Этнографическое изучение православной жизни русских (Обзор основных тенденций) // Ист. вестн. 1999. № 1. URL: http://www.vob.ru/public/bishop/istor_vest/1999/1/1_2.htm (дата обращения: 20.01.2017).

¹² См.: Село Вирятино в прошлом и настоящем. С. 229, 233.

Особый интерес ученого вызывают демонология, магия и колдовство, мифологические представления. Уже в 1920-е гг. традиционные верования, мировоззрение, хозяйственные занятия, семья и семейный быт стали объектами этнографических исследований, а деревни и села — местом их проведения. Одной из целей, стоявших перед этнографами, был поиск «нерусского», «подлинно национального» пласта культуры коми,¹⁷ что объясняет их интерес к колдовским практикам, поиск следов дохристианских верований.

В начале 1930-х гг. происходит спад этнографических исследований, обусловленный политическими причинами, отразившимися в дискуссиях о внедрении марксистской идеологии в исследования, о борьбе с буржуазно-империалистической и клерикальной этнологией.¹⁸ В этот период многие коми этнографы были обвинены в «буржуазно-националистической контрреволюционной деятельности», а их исследования подвергнуты критике, поскольку трактовка и оценка событий были сделаны с позиций «субъективного социализма и национализма».¹⁹

Социалистическая идеология и пережитки прошлого

Полевые этнографические исследования возобновились в середине 1940-х гг. под руководством Института этнографии АН СССР, возглавляемого директором С. П. Толстовым. Всестороннее археологическое, антропологическое и этнографическое изучение народов коми (зырян и пермяков) было включено в пятилетний план Института.²⁰ С 1945 по 1952 гг. Институтом этнографии и Базой АН Коми АССР было организовано несколько этнографических экспедиций в разные районы Коми АССР под руководством В. Н. Белицер.²¹ Вера Николаевна писала, что все внимание было направлено²² на изучение материальной культуры, а семейный быт и верования

лишь отчасти входили в сферу ее интересов. Участие в экспедициях под ее руководством стало школой полевой работы для Л. Н. Жеребцова.²³ В. Н. Белицер уделяла значительное внимание подготовке к выезду в поле: ознакомлению с литературой по исследуемому району, изучению фондов местных музеев. Она также писала о необходимости сочетать маршрутный и стационарный способы обследования территории в зависимости от целей исследования.²⁴

В 1940–1950-е гг. «кратковременные полевые экспедиции»²⁵ (от одного до четырех месяцев) стали основной формой полевых исследований, а научные отчеты о результатах экспедиции — формой представления полученных этнографических данных. Научный отчет, кроме предисловия, включал исторический и этнографический разделы. Введение в отчет архивных сведений было обычной практикой. Например, работа Пермско-Печорского этнографического отряда в 1968 г. (2 июля — 2 октября) предполагала ознакомление с документами архивов Перми и Чердыни, а уже затем — полевые исследования в Ныробском районе Пермской области и в Троицко-Печорском и Печорском районах Коми АССР.²⁶

С начала 1950-х гг. этнографы Коми НЦ Л. Н. Жеребцов и Л. П. Лашук²⁷ выезжают в поле самостоятельно. Сбор материала проводился по темам: «Изменение культурно-бытового уклада населения Коми АССР в период строительства социализма» и «Культура и быт сельского населения Коми АССР» (схожие темы были заявлены Институтом этнографии в середине — конце 1950-х гг.)²⁸ и «Этнография

¹⁷ См.: Семенов В. А., Шарапов В. Э. Указ. соч. С. 90.

¹⁸ См.: Решетов А. М. Николай Михайлович Маторин (опыт портрета ученого в контексте времени) // ЭО. 1994. № 3. С. 139.

¹⁹ Жеребцов И. Л., Цыпанов Е. А. Указ. соч. С. 11–17; Терюков А. И. История этнографического изучения народов коми. СПб., 2011. С. 376, 377–399.

²⁰ НА КНИЦ УрО РАН. Ф. 1. Оп. 13. Д. 5. Л. 1.

²¹ См.: Белицер В. Н. Отчет о работе комплексной экспедиции в Коми АССР // КСИЭ. М.; Л., 1947. Вып. 3. С. 3–12; Она же. Этнографические работы на Печоре // КСИЭ. М., 1952. Вып. 14. С. 23–33; Она же. Этнографические работы в Удорском районе Коми АССР в 1952 г. // КСИЭ. М., 1953. Вып. 19. С. 16–27.

²² См.: Белицер В. Н. Очерки по этнографии народов коми // Тр. Ин-та этнографии им. Н. Н. Миклухо-Маклая. М., 1958. Т. 45. С. 3.

²³ Л. Н. Жеребцов окончил исторический факультет Коми государственного педагогического института. По совету А. С. Сидорова поступил в аспирантуру по специальности этнография. Его научным руководителем стал Н. Н. Чебоксаров. В 1953 г. в Институте этнографии (Москва) защитил диссертацию «Современное жилище народа коми».

²⁴ См.: Федянович Т. П. Исследования В. Н. Белицер финно-язычных народов Поволжья и Приуралья // ЭО. 2004. № 5. С. 116.

²⁵ Громов Г. Г. Указ. соч. С. 12.

²⁶ НА КНИЦ УрО РАН. Ф. 22. Оп. 2. Д. 2. Л. 1.

²⁷ Л. П. Лашук в 1950 г. окончил кафедру этнографии исторического факультета МГУ (дипломная работа была написана под руководством Н. Н. Чебоксарова), получил направление в Коми филиал АН СССР (Сыктывкар). В 1954 г. в Институте этнографии (Москва) защитил диссертацию «Этническая история Печорского края». См.: Карлов В. В. Лев Павлович Лашук // ЭО. 2001. № 3. С. 3.

²⁸ См.: Крупянская В. Ю., Потапов Л. П., Терентьева Л. Н. Основные проблемы этнографического изучения народов СССР // СЭ. 1961. № 3. С. 4; Алымов С. С. Г. П. Снесарев и полевое изучение «религиозно-бытовых пережитков» // ЭО. 2013. № 6. С. 78.

народа коми» (с 1961 г.). В рамках третьей темы планировалось провести «сплошное этнографическое обследование Коми АССР», выяснить этническую специфику отдельных районов, уточнить методы определения этнографических районов и микрорайонов.²⁹ Выделялись классические для советской этнографии разделы: этническая история, материальная культура, семейные отношения, быт и духовная культура. Последний пункт предполагал изучение «борьбы новой социалистической идеологии с пережитками прошлого (старой моралью, привычками, нравами, религией)».³⁰

В исследованиях 1950-х гг. значительное внимание уделялось старообрядчеству. Этнографы считали, что оно способствовало сохранению отсталых черт в быту, суеверий. Л. П. Лашук назвал старообрядчество в числе отличительных особенностей верхневыхогдского и верхнепечорского этнографических районов.³¹ В отчетах представлены краткие заметки об отдельных религиозных праздниках, погребально-поминальной обрядности. Сведения, накопленные в этнографических экспедициях 1950-х гг., замечания о том, что местные религиозные традиции «являются специальной большой темой», а также наличие социального заказа³² способствовали становлению историко-этнографического изучения религиозных традиций как одного из направлений исследований отдела этнографии и археологии Коми филиала АН.

В 1961 г. Ю. В. Гагарин начинает работу над кандидатской диссертацией «Религиозные пережитки в Коми АССР и пути их преодоления» (научный руководитель — Л. Н. Жеребцов). Исследование «современного состояния религиозности населения» имело практическую цель — повысить эффективность борьбы с религиозными пережитками. Диссертация была написана на материалах, собранных в 1962–1963 гг. среди верующих разных конфессий сельских районов Республики Коми. За

основу программы исследования была взята разработка отдела религии и атеизма Института этнографии АН СССР.³³ Для получения количественного материала в 56 населенных пунктах был проведен сплошной опрос,³⁴ охвативший 8 тыс. человек. Качественные данные были получены в ходе наблюдений и бесед с информантами.³⁵ Диссертационное исследование явилось отправной точкой для дальнейших изысканий ученого по проблемам народной религиозности, основой которых стало сочетание таких методов, как массовый опрос, интервьюирование, наблюдение и фотографирование. В последующие годы исследование православной традиции велось в рамках тем «История религии и атеизма в Коми АССР», «Эволюция, современное состояние и проблема преодоления старообрядчества на Европейском Северо-Востоке».

*Опросы и «полувключенное участие»:
сбор и фиксация этнографического
материала*

В ходе работ по указанным темам в 1960 — 1970-х гг. было проведено несколько массовых опросов. Так, в 1967 г. а разных районах Коми АССР было опрошено 698 человек старше 18 лет: в 1968 г. — 2 500 человек (не только в Коми АССР, но и в Чердынском районе Пермской области) старше 16 лет. Как отмечал Ю. В. Гагарин, основной задачей было изучение мировоззрения верующих, влияния религии на быт и культуру, а также истории православия в Коми АССР.

Сплошные обследования стали возможными благодаря привлечению «актива» из числа учителей, врачей, работников культурно-просветительских учреждений. Однако это сказалось на качестве собранного материала.³⁶ Как правило, анкеты имели специальную графу «для заметок анкетера», куда он записывал важные, по его мнению, сведения (описания обрядов, комментарии информантов). Анкеты в архив не сдавали (их обрабатывали, статистические сведения входили в научные отчеты, публикации) — судьба «заметок на полях» неизвестна.

²⁹ НА КНЦ УрО РАН. Ф. 1. Оп. 13. Д. 37. Л. 4; Д. 48. Л. 4.

³⁰ Там же.

³¹ См.: Лашук Л. П. Принципы историко-этнографического районирования Коми АССР // Изв. Коми филиала Всесоюзного географического общества. 1960. № 6. С. 101, 102.

³² 1959 год характеризуется новым витком антирелигиозной борьбы, что отразилось и в новой партийной Программе, и в новом Уставе КПСС, которые были приняты в октябре 1961 г., затем и в новой редакции некоторых статей Закона о культах 1929 г., принятой в 1975 г. См.: Шафаревич И. Р. Законодательство о религии в СССР (Доклад комитету прав человека). URL: http://www.belousenko.com/books/Shafarevich/shafarevich_religion.htm (дата обращения: 30.09.2008).

³³ НА КНЦ УрО РАН. Ф. 1. Оп. 13. Д. 79. Л. 4.

³⁴ Изучение культуры и быта села с «применением этнографических анкет» было введено в практику исследователями Института этнологии (Москва) в середине 1950-х гг. См.: Пушкарева Л. Совещание авторского коллектива по теме «Семья и семейный быт колхозного крестьянства народов СССР» // СЭ. 1955. № 1. С. 174.

³⁵ НА КНЦ УрО РАН. Ф. 1. Оп. 13. Д. 130. Л. 22.

³⁶ Там же. Д. 159. Л. 2, 3.

Этнографы подчеркивали, что «исследования проводятся по разработанной советской этнографией системе», включающей записи личных наблюдений членов отряда, бесед с местным населением, ознакомление с местными архивами. В одном из отчетов Ю. В. Гагарин выделяет три группы информантов: первая — это партийные работники, представители местной администрации; вторая — сельская интеллигенция (учителя могли рассказать об отношении верующих к учебе детей, к участию в общественной жизни; медицинские работники — о распространенных среди жителей представлениях о колдовстве, порче); третья — «старожилы, религиозные проповедники, наиболее подготовленные рядовые верующие» (они могли сообщить подробные сведения о вероучении, обрядовой и повседневной жизни). Отмечалось, что интервьюирование должен проводить наиболее подготовленный сотрудник отряда.³⁷ Ю. В. Гагарин считал, что для получения достоверных сведений, касающихся религиозных воззрений, необходима продолжительная непринужденная беседа и что все зависит от «импровизации исследователя».³⁸ Личные наблюдения предполагали «полувключенное участие (выделено мной — В. В.) в тех или иных мероприятиях».³⁹ Приведем пример наблюдений о дне общественных поминовений в селе Усть-Нем Усть-Куломского района летом 1963 г.: «Для верхней Вычегды типично проведение коллективных дней поминовения умерших на кладбище, возле специального очень высокого креста со столом, на который все приходящие складывают свои приношения... В с. Усть-Нем этот обряд происходил следующим образом. С утра на кладбище потянулись люди. Все несли с собой узелки и кошелки. Пришедшие складывали принесенное на стол у креста, а сами становились полукругом. Одна за другой пелись хором молитвы. В основном были только пожилые женщины и мужчины. Молодых женщин было мало, зато вокруг бегало много ребят. Поющих время от времени окуривала ладаном, горевшим в консервной банке, одна из руководительниц сборища. Другая руководила хором. К концу обряда (он занял несколько часов) принесли в ведре воду из источника, облили перекладину креста и таким образом создали святую чудотворную воду. Этой водой руково-

дительница обрызгала всех присутствующих (некоторые даже умылись этой водой). Закончив моление, собранное на столе раздали всем присутствующим, активно хватили что повкуснее дети. Затем каждый поклонился могилам близких, и разошлись по домам».⁴⁰

В самом тексте нет отсылок к иллюстративному материалу, однако в альбоме-приложении к отчету содержится ряд фотографий, на которых зафиксированы разные моменты обряда (см. цв. вклейку). В экспедициях велась фотосъемка «наиболее важных и характерных объектов, цветные изделия зарисовывались в красках с точной передачей цветовых оттенков»,⁴¹ иногда велась и киносъемка. Альбомы прилагались к каждому научному отчету. Фотографии минимально атрибутировались: указывалась тема, иногда — место съемки. В текстах отчетов отсылок к фотоматериалам практически нет. В альбомы-приложения входила лишь часть снимков (поклонные кресты, моленные дома, иконы и др.).

Этнографы сталкивались с различным отношением к фотосъемке со стороны местного населения, особенно при фиксации обрядовых действий. В отчете Л. С. Грибовой записано: «Увидев меня — незнакомого человека с фотоаппаратом... многие тут же встали и двинулись к лесу. Масса заволновалась, однако многие остались на месте. <...> Я подошла совсем близко, сначала ко мне отнеслись недоверчиво... Начали уговаривать “не снимать их для газеты”. Я сказала им, что... фотоаппарат у меня личный и, если кто желает, я могу сфотографировать. Желавших оказалось очень много, и мне пришлось долго ходить и щелкать по группам. Все предлагали мне угоститься. <...> Я знала, что отказ от угощения оскорбляет людей, поэтому и поела, и попила».⁴² Этот фрагмент демонстрирует не только отношение местных жителей к съемке, но и коммуникативную функцию съемки, которая позволяла наладить отношения между исследователем и информантами, являлась своеобразной «формой обмена».⁴³

В научных отчетах 1960–1970-х гг. не упоминается, на каком языке велись беседы,⁴⁴

³⁷ Там же. Д. 167. Л. 5–6.

³⁸ Там же. Ф. 22. Оп. 1. Д. 15. Л. 4.

³⁹ Там же. Д. 140. Л. 3.

⁴⁰ Там же. Ф. 1. Оп. 13. Д. 92. Л. 29–30.

⁴¹ Там же. Д. 55. Л. 5.

⁴² Там же. Д. 108. Л. 84–85.

⁴³ Becker K. Picturing a Field: Relationships Between Visual Culture and Photographic Practice in a Fieldwork Setting // *Folklore, Heritage Politics and Ethnic Diversity*. Stockholm, 2000. P. 103.

⁴⁴ Л. Н. Жеребцов говорил на коми (родился в коми селе Шошка). Ю. В. Гагарин на коми не говорил, возможно, по-

работали ли с исследователями переводчики (представители местной интеллигенции или лаборанты института). Только в одном отчете зафиксированы коми термины, «относящиеся к верованиям»: крещенская неделя, пост, святой, святая вода, виновен перед богом и др.⁴⁵

В секторе этнографии ИЯЛИ Коми НЦ хранятся тетради Ю. В. Гагарина, значительная часть которых содержит рабочие материалы, а часть — полевые записи, систематизированные по районам и конфессиям. Они содержат рассказы о первопоселенцах, скитах, догматах вероучения, обрядности, которые лишь частично вошли в научные отчеты. Исследователя интересовали общие сведения (крестят ли детей, венчаются ли, есть ли иконы и т. п.), без детализации (молитвы, читаемые при крещении; последовательность обрядовых действий). Представленные материалы позволяют судить отчасти и об отношениях между исследователем и информантом: первый демонстрировал свою заинтересованность, знание местных религиозных традиций; информанты же отвечая на вопросы, не забывают подчеркнуть лояльное отношение к существующей власти. Так, З. Н. Бабилов назвал Ю. В. Гагарину «адреса» общин, с которыми контактировали усть-цилемские староверы (Москва, Вильнюс, Рига). С одной стороны, это можно рассматривать как знак доверия, с другой — как стремление утвердить/оправдать собственные рассуждения ссылкой на законность существования староверия.

Изучение религиозности предполагало отчетность и исследователя, и института перед партийными органами, а агитационно-просветительская деятельность была частью работы научного сотрудника. Например, Коми книжное издательство выпустило несколько антирелигиозных брошюр, авторами которых были сотрудники Коми НЦ: Л. П. Лашук «Кто такие сектанты и чему они учат?» (1959), Л. Н. Жеребцов «Жил ли Христос?» (1960), Ю. В. Гагарин, Л. Н. Жеребцов «“Божьи люди” как они есть» (1963).

В архиве сохранились письма, адресованные секретарю Карпогорского райкома партии и в Архангельский областной комитет государственной безопасности. В них сообщались све-

дения о религиозных группах, «выявленных этнографическими экспедициями Коми филиала АН СССР в Каргопольском, Мезенском и Карпогорском районах». Директор ИЯЛИ Н. Н. Рочев выражал благодарность представителям райкома партии за оказанное содействие в работе экспедиции и надежду на то, что собранные сведения будут полезны «для организации атеистического воспитания».⁴⁶

*«Проникнуть в интимные стороны
народной жизни и верований»:
образ исследователя*

В начале XX в. складывается определенный образ собирателя: это выходец из «народа» или представитель местной интеллигенции, хорошо знающий язык. Примером может служить В. П. Налимов. А. Н. Максимов так охарактеризовал его: «...как природный зырянин <...> свободно владеющий зырянским языком <...> Он имел возможность проникнуть в такие интимные стороны народной жизни и верований, куда доступ постороннему наблюдателю очень труден».⁴⁷ Знание языка, причастность к этнической традиции — эти важные условия в советский период утрачивают свое значение. Считалось, что сбор этнографического материала должен осуществлять специалист, владеющий методами научной работы. Однако в отзыве о научной работе Л. Н. Жеребцова отмечается: «Существенное значение имело то, что Л. Н. Жеребцов хорошо знает коми язык и бытовые особенности своего народа».⁴⁸ Очевидно, что представления о том, что этнограф, являющийся выходцем из исследуемой группы, может получить более полную и достоверную информацию, существовали и в советский период. Сегодня в ряде случаев речь также идет о том, что только исследователь — носитель традиции может адекватно описать верования и религиозные представления своей группы.⁴⁹ Например, выделяют «православный научный дискурс», полагая, что «исследование православной традиции “со стороны” уже допускает меру погрешности», тогда как «аутентичный взгляд

нимал. Согласно переписи 1970 г., 78 % коми свободно владели русским языком (сельских жителей — 69,9 %). См.: Котов О. В., Рогачев М. Б., Шабаетов Ю. П. Современные коми. Екатеринбург, 1996. С. 75.

⁴⁵ НА КНЦ УрО РАН. Ф. 1. Оп. 13. Д. 79. Л. 136, 134.

⁴⁶ НА КНЦ УрО РАН. Ф. 22. Оп. 1. Д. 3. Л. 1, 11.

⁴⁷ Цит. по: Терюков А. И. Указ. соч. С. 327, 328.

⁴⁸ Канивец В. И. Отзыв о научной работе Л. Н. Жеребцова // Л. Н. Жеребцов. Дороги этнографа. Сыктывкар, 2005. С. 391, 392.

⁴⁹ См.: Харитонов В. И. Введение. Хранители и исследователи сакральной культуры: диалог или противостояние // ЭО. 2010. № 3. С. 4–7.

исследователя на творцов культуры... а priori обнадеживает нас в успехе».⁵⁰

Становление историко-этнографического изучения религии в ИЯЛИ Коми НЦ проходило в русле общероссийских тенденций. Перед советскими этнографами стояли конкретные цели — объяснить причины сохранения пережитков, содействовать их изживанию.⁵¹ Это обусловило появление в 1960-х гг. работ по данной проблематике в центральных⁵² и региональных научных центрах.⁵³ В это время исследования религии и религиозности активно вели не только этнографы, но и социологи, и религиоведы, причем первые активно использовали социологические методы (массовые опросы).⁵⁴

Сыктывкарские ученые ориентировались на стратегии и методы советской этнографической науки, такие как кратковременные выезды в «поле» и кропотливая работа в архивах. Наряду с интервьюированием, фото-

графированием, включенным наблюдением, с 1960-х гг. активно применялись социологические методы, в частности массовые опросы населения. Значительная часть собранного материала так и не была опубликована, несмотря на то что «полевые материалы, впервые вводимые в научный оборот», высоко ценились. С одной стороны, описания и фотографии внехрамовых служб и обрядов могли стать практическими рекомендациями для верующих; с другой — исследователь мог считать эту информацию излишней, малозначимой, поскольку локальная специфика религиозных практик его не интересовала. Характеристика и анализ методов проведения полевых исследований, регулярно появлявшиеся на страницах научных отчетов сыктывкарских этнографов, которые практически не нашли отражения в опубликованных ими научных трудах, свидетельствует о значимости данных вопросов для самих исследователей.

Victoria V. Vlasova

Candidate of Historical Sciences, Institute of Language, Literature, and History of the Komi Science Center, Ural Branch of the RAS (Russia, Syktvkar)

E-mail: vv505@hotmail.com

THE STUDY OF THE ORTHODOX TRADITION OF KOMI-ZYRIAN DURING THE SOVIET PERIOD: FIELD WORK THROUGH ETHNOGRAPHER'S EYES

The fights against religious remnants, atheistic propaganda have become an important component of the Soviet state ideology and, to a large extent, a stimulus for the development of the ethnographic researches in the field of religion. The main goals for the soviet ethnographers were to explain why religious remnants still preserved and promote to overcome them. These goals determined the choice of the research themes for the field work. In the 1960s in a line with these national trends the historical-ethnographic study of religion was established in the Institute of Language, Literature and History, Komi Science Centre. Descriptions of methods, research analysis and the comprehension of the field work, relationships ethnographer — informant et al. on pages of the scientific reports, allow to illuminate those aspects of the field studies of the folk religiosity during the Soviet period. In 1960–1970

⁵⁰ Святыни и святость в жизни русского народа: этнографическое исследование. М., 2010. С. 4.

⁵¹ Алымов С. С. Понятие «пережитков» и советские социальные науки в 1950–1960 гг. // АФ. 2012. № 16. С. 270.

⁵² См.: Алымов С. С. Г. П. Снесарев и полевое изучение «религиозно-бытовых пережитков» // ЭО. 2013. № 6. С. 74, 75.

⁵³ См.: Денисов П. В. Религиозные верования чуваш (историко-этнографические очерки). Чебоксары, 1959; Мокшин Н. Ф. Религиозные верования мордвы. Саранск, 1968.

⁵⁴ См., напр.: «Наука о религии», «Научный атеизм», «Религиоведение»: актуальные проблемы научного изучения религии в России XX — начала XXI в. М., 2014; Климова С. М., Молостова Е. С. Социологическое изучение религии и атеизация населения, 1960–1970 годы // Социологический журнал. 2013. № 3. С. 114–129; Лопаткин Р. А. Об опыте советского периода отечественной социологии религии // Социология религии в обществе Позднего Модерна: сборник статей по материалам IV Междунар. науч. конф. Белгород, 2014. С. 14–27; Дроздов К. С. Материалы сектора истории религии и атеизма Института истории АН СССР: к истории советского периода отечественной социологии религии // Там же. С. 234–243.

during the fieldwork, along with interviews, participant observation, photographing ethnographers actively used sociological methods, in particular, house-to-house poll. Description and analysis of used methods (advantages and disadvantages of surveys, the art of conversation, etc.) regularly appeared on the pages of the scientific reports reveal the importance of these subjects for ethnographers. Soviet ideological and methodological orientations led to the lack of these materials and topics in the published papers.

Keywords: *Orthodox tradition, Komi Zyrians, fieldwork, Soviet ethnography*

REFERENCES

- Alymov S. [Non-random village: Soviet ethnographers and collective farmers on the way “from old to new” and vice versa]. Available at: <http://magazines.russ.ru/nlo/2010/101/alk7.html> (accessed: 20.01.2017). (in Russ.).
- Alymov S. S. [G. P. Snesev and field study of “religious and everyday survivals”]. *Etnograficheskoe Obozrenie* [Ethnographic Review], 2013, no. 6, pp. 69–88. (in Russ.).
- Alymov S. S. [The concept of “survival” and Soviet social sciences in 1950–1960]. *Antropologicheskii forum* [Anthropological forum], 2012, no. 16, pp. 261–287. (in Russ.).
- Arzyutov D. V., Kan S. A. [The concept of “field” and field work in early Soviet ethnography]. *Etnograficheskoe Obozrenie* [Ethnographic Review], 2013, no. 6, pp. 45–68. (in Russ.).
- Becker K. Picturing a Field: Relationships Between Visual Culture and Photographic Practice in a Fieldwork Setting. *Folklore, Heritage Politics and Ethnic Diversity*. Stockholm: Botkyrka Multicultural Centre, 2000, pp. 100–121. (in English).
- Belitser V. N. [Essays on Ethnography of the Peoples of Komi]. *Trudy Instituta etnografii* [Proceedings of the Institute of Ethnography]. Moscow: AN SSSR Publ., 1958, vol. 45, 391 p. (in Russ.).
- Belitser V. N. [Ethnographic works in the Udorskiy region of the Komi ASSR in 1952]. *Kratkie soobshcheniya Instituta etnografii* [Brief communications of the Institute of Ethnography]. Moscow: AN SSSR Publ., 1953, iss. 19, pp. 16–27. (in Russ.).
- Belitser V. N. [Ethnographic works on Pechora]. *Kratkie soobshcheniya Instituta etnografii* [Brief communications of the Institute of Ethnography]. Moscow: AN SSSR Publ., 1952, iss. 14, pp. 23–33. (in Russ.).
- Belitser V. N. [Report on the work of the complex expedition in the Komi ASSR]. *Kratkie soobshcheniya Instituta etnografii* [Brief communications of the Institute of Ethnography]. Moscow; Leningrad: AN SSSR Publ., 1947, iss. 3, pp. 3–12. (in Russ.).
- Denisov P. V. *Religioznye verovaniya chuvash (istoriko-etnograficheskie ocherki)* [Religious beliefs of the Chuvash (historical and ethnographic essays)]. Cheboksary: Chuvashskoe gosudarstvennoe izdatelstvo Publ., 1959, 408 p. (in Russ.).
- Drozdov K. S. [Materials of the sector of the history of religion and atheism of the Institute of History of the AS of the USSR: to the history of the Soviet period of the Russian sociology of religion]. *Sotsiologiya religii v obshchestve Pozdnego Moderna: sbornik statey po materialam IV Mezhdunar. nauch. konf.* [Sociology of Religion in the Late Modern Society: a collection of articles on the materials of the 4th Intern. Sci. Conf.]. Belgorod: ID “Belgorod”; NIU “BelGU” Publ., 2014, pp. 234–243. (in Russ.).
- Fedyanovich T. P. [Research V. N. Belitser Finno-lingual peoples of the Volga and the Urals]. *Etnograficheskoe Obozrenie* [Ethnographic Review], 2004, no. 5, pp. 112–125. (in Russ.).
- Gagen-Torn N. I. [Leningrad ethnographic school in the twenties (at the origins of Soviet ethnography)]. *Sovetskaia Etnografia* [Soviet Ethnography], 1971, no. 2, pp. 134–145. (in Russ.).
- Gromov G. G. *Metodika etnograficheskikh ekspeditsiy* [Method of ethnographic expeditions]. Moscow: MGU Publ., 1966, 119 p. (in Russ.).
- Gromyko M. M. [Ethnographic study of the Orthodox life of Russians (Review of main trends)]. Available at: http://www.vob.ru/public/bishop/istor_vest/1999/1/1_2.htm (accessed: 20.01.2017). (in Russ.).
- Kanivets V. I. [Feedback on the scientific work of L. N. Zherebtsov]. *L. N. Zherebtsov. Dorogi etnografa* [Ethnographer's routes]. Syktyvkar: IYaLI Komi NTs Publ., 2005, pp. 391–392. (in Russ.).
- Karlov V. V. [Lev Pavlovich Lashuk]. *Etnograficheskoe Obozrenie* [Ethnographic Review], 2001, no. 3, pp. 3–6. (in Russ.).
- Kharitonova V. I. [Introduction. Guardians and researchers of sacral culture: dialogue or confrontation]. *Etnograficheskoe Obozrenie* [Ethnographic Review], 2010, no. 3, pp. 3–7. (in Russ.).
- Klimova S. M., Molostova E. S. [Sociological studying of religion and “atheisation” of population, 1960–1970s]. *Sotsiologicheskii Zhurnal* [Sociological Journal], 2013, no. 3, pp. 114–129. (in Russ.).

- Kotov O. V., Rogachev M. B., Shabaev Yu. P. *Sovremennye komi* [Modern Komi]. Ekaterinburg: UrO RAN Publ., 1996, 178 p. (in Russ.).
- Kozmin V. A. [Field Ethnography]. Available at: <http://petrsu.ru/Chairs/Archiv/edu.html> (accessed: 15.01.2017). (in Russ.).
- Krupyanskaya V. Yu., Potapov L. P., Terenteva L. N. [The main problems of ethnographic study of the peoples of the USSR]. *Sovetskaia Etnografia* [Soviet Ethnography], 1961, no. 3, pp. 3–12. (in Russ.).
- Lashuk L. P. [Principles of historical and ethnographic regionalization of the Komi ASSR]. *Izvestiya Komi filiala Vsesoyuznogo geograficheskogo obshchestva* [News of Komi branch of the All-Union Geographical Society], 1960, no. 6, pp. 97–105. (in Russ.).
- Lopatkin R. A. [On the experience of the Soviet period of the Russian sociology of religion]. *Sotsiologiya religii v obshchestve Pozdnego Moderna: sbornik statey po materialam IV Mezhdunar. nauch. konf.* [Sociology of Religion in the Late Modern Society: a collection of articles on the materials of the 4th Intern. Sci. Conf.]. Belgorod: ID “Belgorod”; NIU “BelGU” Publ., 2014, pp. 14–27. (in Russ.).
- Matorin N. M. [The present stage and tasks of ethnography]. *Sovetskaia Etnografia* [Soviet Ethnography], 1931, no. 1/2, pp. 3–38. (in Russ.).
- Mokshin N. F. *Religioznye verovaniya mordvy* [Religious beliefs of Mordovians]. Saransk: Mordovskoe knizhnoe izdatelstvo Publ., 1968, 160 p. (in Russ.).
- «Nauka o religii», «Nauchnyy ateizm», «Religiovedenie»: aktualnye problemy nauchnogo izucheniya religii v Rossii XX — nachala XXI v. [“Science of religion”, “Scientific atheism”, “Religious studies”: actual problems of scientific study of religion in Russia 20th — early 21st century]. Moscow: PSTGU Publ., 2014, 263 p. (in Russ.).
- Pushkareva L. [Meeting of the group of authors on the theme “Family and family life of the collective farm peasantry of the peoples of the USSR”. *Sovetskaia Etnografia* [Soviet Ethnography], 1955, no. 1, pp. 173–175. (in Russ.).
- Reshetov A. M. [Nikolai Mikhailovich Matorin (experience of the portrait of a scientist in the context of time)]. *Etnograficheskoe Obozrenie* [Ethnographic Review], 1994, no. 3, pp. 132–155. (in Russ.).
- Rogachev M. B. *Vremya protiv religii* [Time against religion]. Syktyvkar: Komi knizhnoe izdatelstvo Publ., 1986, 136 p. (in Russ.).
- Selo Viryatino v proshlom i nastoyashchem. Opyt etnograficheskogo izucheniya russkoy kolkhoznoy derevni* [Village Viryatino in the past and present. The experience of ethnographic study of the Russian collective farm village]. Moscow: AN SSSR Publ., 1958, 278 p. (in Russ.).
- Semenov V. A., Sharapov V. E. [Ethnographic archive]. *Istoriya etnograficheskogo izucheniya traditsionnoy kultury komi* [The history of ethnographic study of traditional Komi culture]. Syktyvkar: Syktyvkarskiy universitet Publ., 2006, pp. 76–126. (in Russ.).
- Shafarevich I. R. [Legislation on religion in the USSR (Report to the Human Rights Committee)]. Available at: http://www.belousenko.com/books/Shafarevich/shafarevich_religion.htm (accessed: 30.09.2008). (in Russ.).
- Shakhnovich M. M., Chumakova T. V. [Nikolay Matorin and His Programme for Studying of the Folk Religiosity]. *Religiovedenie* [Religious Studies], 2012, no. 4, pp. 191–202. (in Russ.).
- Sidorov A. S. [Program on the historical and ethnographic study of the Komi region. General instructions]. *Programmy po izucheniyu Komi kraya* [Programs for studying the Komi region]. Ust-Sysolsk: Komi izdatelstvo Publ., 1924, pp. 24–64. (in Russ.).
- Svyatyni i svyatost v zhizni russkogo naroda: etnograficheskoe issledovanie* [Shrines and holiness in the life of the Russian people: ethnographic research]. Moscow: Nauka Publ., 2010, pp. 4–17. (in Russ.).
- Teryukov A. I. *Istoriya etnograficheskogo izucheniya narodov komi* [The history of ethnographic study of the Komi peoples]. Saint Petersburg: MAE RAN Publ., 2011, 514 p. (in Russ.).
- Tultseva L. A. [Religious beliefs and rites of Russian peasants at the turn of the 19th and 20th centuries (based on materials from the Central Russian strip)]. *Sovetskaia Etnografia* [Soviet Ethnography], 1978, no. 1, pp. 31–46. (in Russ.).
- Tultseva L. A. [The experience of ethnographic study of modern everyday Orthodoxy in the Russian rural population of the Ryazan region]. *Voprosy metodiki etnograficheskikh i etno-sotsiologicheskikh issledovaniy* [Questions of the methodology of ethnographic and ethno-social research]. Moscow: Nauka Publ., 1970, pp. 98–105. (in Russ.).
- Voprosy metodiki etnograficheskikh i etno-sotsiologicheskikh issledovaniy: doklady na konferentsii molodykh nauchnykh sotrudnikov i aspirantov* [Questions of the methodology of ethnographic and ethno-social research: presentations at a conference of young researchers and graduate students]. Moscow: Nauka Publ., 1970, 137 p. (in Russ.).
- Zherebtsov I. L., Tsypanov E. A. *Aleksey Semenovich Sidorov* [Alexey Semenovich Sidorov]. Syktyvkar: Komi NTs UrO RAN Publ., 1995, 52 p. (in Russ.).

День общественных поминовений.
Село Усть-Нем Усть-Куломского района Коми АССР. 1963 г.
(Научный архив Коми научного центра УрО РАН, Ф. 1. Оп. 13. Д. 94. Л. 4.)

Объявление о лекции. Троицко-Печорский район Коми АССР.
(Научный архив Коми научного центра УрО РАН, Ф. 1. Оп. 13. Д. 80. Л. 90б.)